

УДК 340.134

Матушевская В.В.,

Донецкая академия внутренних дел

Министерства внутренних дел

Донецкой Народной Республики

Matushevskaya V. V.,

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry

of Internal Affairs of Donetsk People's Republic

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В статье обосновывается применение герменевтической методологии на стадии конструирования правовых норм в процессе нормотворчества, поскольку толкование закона – это не только акт познания, но и интеллектуально-волевая деятельность, важное связующее звено между текстом закона (правовой нормы) и его реализацией.

Ключевые слова: нормотворчество, герменевтика, методология, толкование.

HERMENEUTICAL METHODOLOGY IN THE CONTEXT OF LAW-MAKING PROCESS

The article settles the usage of hermeneutical methodology in the stage of designing of legal norms in the law making process, as statutory interpretation is not only the act of cognition but also intellectual-volitional activity, the important connecting-link between the text of the law (legal norm) and its realization.

Key words: *нормотворчество, герменевтика, методология, толкование.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Как известно, работа юриста сопряжена с постоянным обращением к законам. Чтобы обоснованно решать возникающие задачи, на наш взгляд, необходимо аутентичное и конвенциональное понимание текста закона профессиональными правоприменителями. Правильное понимание закона юристом является важным еще и потому, что в своей деятельности он должен свести к минимуму риск несправедливого применения юридических норм. Одним из таких «инструментов» раскрытия подменного смысла закона является герменевтика как методология толкования и понимания норм права.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. Исследование возможности герменевтики как методологии познания восходит к философскому дискурсу и стало предметом изучения таких известных зарубежных ученых, философов и правоведов, как М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, В. Дильтей, Э. Бетти, А. Кауфман, Р. Алекси и др.

В дореволюционной России исследования, посвященные юридической герменевтике, проводились К.А. Неволиным и Н.А. Гредескулом, а в современной отечественной юридической литературе – С.С. Алексеевым, И.П. Малиновым, Н.И. Хабибуллиной и А.И. Гермашевым.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. Особенности формулирования норм права (лаконичность, специальная терминология), их смысловые связи с другими нормами и оценками, а также недостатки законодательной техники порождают необходимость толкования. С целью повышения эффективности законотворчества однозначное толкование норм права в условиях становления правового государства с использованием герменевтической

методологии должно служить цели правильного, точного и единообразного понимания и применения закона, цели выявления его сути, которую законодатель вложил в словесную формулировку.

Целью юридической герменевтики является не только уяснение смысла правовой нормы, но и перевод ее смыслового содержания на язык, приближенный к практическим ситуациям настолько, чтобы у правоприменителей не возникало сомнений в их относимости к толкуемой норме и тем самым облегчалось бы ее применение [9, с. 47].

В представленной статье автор указывает на необходимость применения герменевтической методологии на как можно более ранних стадиях конструирования правовых норм в процессе нормотворчества, а не только на стадии толкования норм, уже закрепленных законодательно.

Формулировка целей статьи. Целью данной статьи является исследование границ применения герменевтической методологии в нормотворческом процессе.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Как известно, понятие «герменевтика» восходит к древнегреческим мифам, согласно которым посланник богов Гермес был обязан толковать и разъяснять людям божественные вести.

Со времен Ф. Шлейермахера в философии и филологии под герменевтикой стали понимать искусство толкования иносказаний, многозначных символов, интерпретацию произведений древних поэтов. Затем это понятие стало означать искусство толкования Священного Писания, а впоследствии и искусство верного перевода памятников прошлого [1, с. 146].

В эпоху античной философии одним из первых на проблему толкования обратил внимание Аристотель, который в своем сочинении «Об истолковании» раскрывает различия между устной и письменной речью посредством анализа различных частей текста: «то, что в звуко сочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письменна – знаки того, что в звуко сочетаниях» [2].

В Средние века герменевтическая методология широко использовалась Ф. Аквинским для интерпретации теологических текстов. В этот же период из философской герменевтики выделяется юридическая герменевтика, задачей которой становится толкование юридических норм, а конкретнее, норм римского права Боэцием с целью восстановления действия (отбор, заимствование, переработка и усвоение) того нормативного, идейно-теоретического содержания римского права, которое оказалось пригодным для регулирования новых феодальных отношений. Вместе с тем к концу XVII века юридическая герменевтика превратилась в вид софистики, искажающей действительность.

Таким образом, юридическая герменевтика к XVIII столетию не сумела создать рациональную теорию толкования, потеряв свою привлекательность в глазах юристов-практиков. В XIX веке такие ученые, основатели цивилистики, как Ф. Савиньи и Г. Пухта, считали герменевтику поверхностной и сухой наукой, а философы XX столетия Г.-Г. Гадамер и П. Рикер рассматривали правовую тематику как момент общефилософских рассуждений, не выделяя ее специфики.

Ситуация в корне меняется с возрождением интереса к работам Ф. Шлейермахера и появлением сочинений В. Дильтея [3]. Как известно, Ф. Шлейермахер еще в 1819 году провозгласил программу создания герменевтики как общего «искусства понимания», которого до этого не существовало, хотя уже имелись специализированные герменевтики. Введя различия между словом и его смыслом, Ф. Шлейермахер заложил основу для построения общей герменевтики, служащей фундаментом для специализированных герменевтических дисциплин. Настаивая на необходимости соотнесения текстов с

психологическими и культурно-историческими факторами их возникновения, он во многом способствовал появлению новой концепции герменевтики.

Подобная концепция была выдвинута В. Дильтеем, который стал рассматривать герменевтику как методологическую основу для всех гуманитарных наук, которые он относил к наукам о человеческом духе. Согласно его высказываниям в целом, в отличие от естествознания, содержание гуманитарных исследований составляют не факты природы, а объективированные выражения человеческого духа, мысли и чувства человека, его цели и мотивы. Соответственно, если для объяснения явлений природы используются каузальные, то есть причинные законы, то для понимания действия людей их необходимо предварительно интерпретировать, или расшифровывать. Поэтому, согласно В. Дильтею, гуманитарное понимание существенно отличается от объяснения, поскольку оно всегда связано с раскрытием смысла действия людей.

Основатель философской герменевтики Г.-Г. Гадамер вообще считает, что каждый исследователь создает совершенно новое содержание истолковываемому тексту, а факты текста, как и факты истории, рассматриваются при таком подходе как бесконечно пластичный и податливый материал, в котором скрывается неисчерпаемый ресурс самых разных интерпретаций.

На протяжении всего XX столетия усилиями Г.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, П. Рикера влияние герменевтики распространилось фактически на весь спектр социально-гуманитарного знания.

Сразу отметим, что герменевтика права – в отличие от других ответвлений герменевтики – требует максимально точной и предметной инструментализированной интерпретации, исключающей множественность интерпретаций («толкование правовой нормы»), что предполагает изначальное, предельно совершенное в идеале понимание сущности права – как универсальной для всех риторико-текстовых объектов права.

Если литературно-поэтическая, музыкально-искусствоведческая герменевтика исходит в осуществлении герменевтического круга из интерпретации произведения, допуская множественность его восприятий, приходя из этой исходной точки к тому или иному пониманию интеллектуального объекта («интерпретируя, понимаю»), то герменевтика права «закручивает» герменевтический круг в прямо противоположном направлении («понимая, интерпретирую») – от правопонимания к правовой интерпретации человеческой деятельности, событий взаимодействия индивидов, каковая (интерпретация) выражается в общеобязательной форме правового решения, вердикта.

В настоящее время правоведа-«герменевты» в своих работах все более отдаляются от юридического нормативизма, в котором «закон действует, потому что это – закон, и это – закон, если его сила признается в большинстве случаев» [4]. Ведь для того чтобы реализовать правовые нормы, сделать законы жизнеспособными, их необходимо понимать, то есть правовые постановления должны быть доступными для понимания любым гражданином государства и восприниматься всеми гражданами однозначно.

Однозначность понимания закона в правовой сфере представляется следствием однозначного толкования закона. Неслучайно уже юристы Древнего Рима одним из требований к нормотворчеству ставили вопрос о четком, ясном и лаконичном формулировании юридических норм, исходя из того, что «толкование права – это выявление его объективного содержания и учет его субъективного восприятия, устранение двусмысленности, согласование содержания текста закона и формы его изложения, учет формального характера права и динамики общественных отношений в конкретно-историческое время» [5].

Однако большинство юристов, которые занимаются изучением проблемы толкования законов, ограничивают свои изыскания повторением, комментированием или аккумулярованием правил толкования, которые были сформулированы еще римскими

юристами. Поэтому юридические законы могут нести в себе определенные черты субъективизма, что и приводит к неоднозначности восприятия. Согласно Д. Ллойд, «действительная ситуация далека от той, которая рисуется в воображении некоторых юристов, полагающих, что только их специальное образование и опыт могут служить надежными ориентирами определения реального характера социальных и экономических проблем, с которыми имеет дело право и решению которых оно призвано служить. Тот простой факт, что прокуроры и судьи постоянно занимаются уголовными делами, не дает им уникальных или особо ценных знаний относительно характера преступности или мышления преступников. Наоборот, можно предположить, что, систематически сосредотачивая свое внимание на одной стороне жизни обвиняемых...они склонны создавать весьма однобокую картину, вводящую в заблуждение и искажающую положение вещей» [6, с. 380].

Аналогичного мнения придерживается и Е.В. Васьковский, противопоставляя мысль и волю закона мысли и воле законодателя, когда из виду упускается, что «норма сама по себе не имеет ни воли, ни мысли; она представляет собою совокупность слов, то есть известных условных знаков, посредством которых ее создатель сообщает гражданам то, что он думает и желает» [7, с. 83-84]. Кроме того, противоречия неизменно возникают между теми, кто обязан выполнять эти законы, и теми, кто стоит на страже их выполнения.

Таким образом, толкование закона – это не только акт познания, но и интеллектуально-волевая деятельность, важное связующее звено между текстом закона (правовой нормы) и его реализацией.

Подобные идеи существовали в советской теории права, но в скрытом виде, поскольку вырабатывались различные политико-правовые критерии для поиска окончательного, правильного смысла нормы в случаях неустранимой неясности закона, – это справедливость, соответствие целям правового регулирования и т.д., и в 1940-1950-х гг. многие ученые прямо признавали в толковании элементы нормотворчества. Аналогичные тенденции намечаются и в настоящее время [8, с. 20-24]. Причем в юридической науке вопрос о разграничении официального толкования норм права и нормотворческой деятельности не получил однозначного решения:

с одной стороны, общепризнанным считается положение о том, что новые правовые нормы не должны создаваться в ходе толкования (имеется в виду толкование-разъяснение);

с другой стороны, в юридической литературе отчетливо прослеживается тенденция к расширительному пониманию толкования норм права, которое наделяется функциями «компенсации технических неясностей, неточностей и восполнения пробелов правовых норм», «правокорректирующей» и «правосозидательной» функциями; признается вполне допустимым и коррекционное (исправляющее) толкование правовых норм, которое позволяет изменять содержание правовой нормы без изменения текста закона.

Кроме того, в теории права и отраслевых юридических науках широко употребляется термин «нормативное толкование», который сам по себе подразумевает синтез понятий «толкование» и «нормотворчество» [8, с. 20-24].

При столь широком подходе границы между официальным толкованием правовых норм и нормотворчеством практически стираются, в результате чего все попытки разрешить спор о содержании решений высших судебных инстанций и возможности их признания формальными источниками права заранее обречены на неудачу. Между тем смешение официального толкования правовых норм и нормотворчества является неоправданным, поскольку, несмотря на некоторую расплывчатость и известную условность границ между ними, критерии разграничения все же существуют. Например, говоря о цели толкования правовых норм (уяснение их подлинного содержания), следует

отметить различия способа уяснения подлинного содержания правовых норм с точки зрения хронологии (статистический и динамический подходы).

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. К сожалению, в настоящее время нормотворчество носит более хаотичный характер, чем планомерный. Например, при конструировании норм будущего законодательства не всегда используется принцип системного подхода. В итоге получаем внутренне противоречивые акты, которые часто страдают декларативностью и далеко не всегда обеспечиваются необходимыми организационно-правовыми мерами, гарантирующими их исполнение.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, с целью минимизирования возможности двоякого толкования правовой нормы на этапе правоприменения необходимо проведение герменевтического анализа уже на стадии конструирования правовой нормы в процессе нормотворчества.

Список использованной литературы

1. Спиркин, А.Г. Философия [Текст]: учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2002. – 736 с.
2. Аристотель. Об истолковании // Сочинения. В 4 т. Т. 2. / Аристотель. – М.: Мысль, 1978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/aristotel.htm>.
3. Философы двадцатого века [Текст]. Книга первая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Искусство XXI век», 2004. – 367 с.: ил.
4. Радбрух, Г. Пять минут философии права / Г. Радбрух // Вестник Московской школы гражданского просвещения «Общая тетрадь». – 2011. – № 3 (56) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otetrad.ru/archive.html>.
5. Герменевтика и толкование законов. Герменевтика и право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/85266/pravo/germenevtika_tolkovanie_zakonov.
6. Ллойд, Д. Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость [Текст] / Д. Ллойд; [пер. с англ. М.А. Юмашева]; науч. ред. М.А. Юмашев. – 3-е изд. – М.: Книгодел, 2006. – 416 с.
7. Васьковский, Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов [Текст] / Е.В. Васьковский. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
8. Мингазов, Р.Ш. К вопросу о правовой природе толкования норм права: общетеоретический аспект / Р.Ш. Мингазов // Государство и право: теория и практика: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 20-24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/37/619/>.
9. Матушевская, В.В. Применение герменевтической методологии в нормотворчестве [Текст] / В.В. Матушевская // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Т. 7: Юридические науки. Ч. 1: Теория государства и права, гражданское, предпринимательское, семейное и международное частное право / [под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой]. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – 288 с.

Статья поступила в редакционную коллегию